

**ПОВЕРХНОСТИ ПРОТЕСТА:
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПИСЬМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. Показывается, как городское публичное пространство и его поверхности располагают субъекта к протестному письму. Городское публичное пространство может рассматриваться субъектом протеста как сумма поверхностей, на которые может накладываться протестный текст. Протестное письмо рассматривается в контексте массового политического протеста в России, актуализировавшегося в конце 2011 г. и повлекшего за собой развитие уличных арт-активистских практик, ставших частью политического дискурса.

Ключевые слова: акция; дискурс; политический перформанс; поверхность письма; протест; политический текст; публичное пространство.

Сведения об авторе: Скиперских Александр Владимирович, доктор политических наук.

Место работы: независимый исследователь.

Контактная информация: 399770, г. Елец, ул. Свердлова, д. 13.

e-mail: pisatel@mail.ru.

**SURFACE OF PROTEST:
POLITICAL LETTER
IN MODERN RUSSIA**

Abstract. The article shows how urban public space and its surface stimulate the subject to a protest letter. Urban public space can be considered as a subject of the protest sum of the surfaces, which can be superimposed on the text of the protest. The protest letter writers considered in the context of mass political protests in Russia, have been updated at the end of 2011, and entailed the development of street art activist practices that have become part of the political discourse.

Key words: action; discourse; political performance; the surface of the letters; protest; political text; a public space.

About the author: Skiperskikh Alexander Vladimirovich, Doctor of Political Science.

Place of employment: Independent Researcher.

Наряду с традиционными исследовательскими фокусами, рассматривающими политическое участие исключительно как попытки инкорпорации в политический процесс в каких-либо институционализированных формах, может существовать и другой взгляд. Регистрация политических ситуаций и акторов исключительно в рамках самой системы и вписанности в нее оставляет вне исследовательского интереса множество социальных групп и сообществ, не связанных с самой политической системой строгими соответствиями и обязательствами, но вместе с тем периодически артикулирующих требования правящим элитам на разных уровнях политики с помощью особого языка.

Выразительность протестного письма, а также объем покрытых им поверхностей значительно увеличивается в периоды социальных трансформаций. Туристы, посетившие Париж после мая 1968 г., рассматривали революционные надписи в Сорбонне, словно это были музейные экспонаты. Декабрьские события Евромайда 2013 г. в Киеве уже оставляют после себя огромное «наследие» протестного письма. Надпись черным маркером «Революционный трибунал» под вывеской Киевской городской администрации на Крещатике является, наверное, вполне адекватным отражением протестной орфографической ярости неизвестного автора.

Не является исключением и российская практика. Специфический ярлык несистемности, присвоенный социальным группам с артикулированными политическими интересами, пытавшимся проводить политику на улицах, стал элементом политического дискурса современной России после зимних митингов конца 2011 — начала 2012 г.

Автор данной статьи рискует потеряться в объективном многообразии несистемных групп, составивших протестную массу, в случае если его исследовательский фокус будет обращен на всё социальное тело протеста. В связи с этим ограничимся только частью его. Политический протест актуализировал политическое творчество несистемных групп, связанное с демонстрациями протестных текстов, с их представлением аудитории. В данной статье мы будем говорить именно об арт-активизме, практики которого получили развитие после московских «болотных» событий во многих крупных российских городах и в провинции. Временной континуум интересующего нас явления как раз и отсчитывается от первых уличных протестов декабря 2011 г. Что касается пространственного континуума, то им выступает городское публичное пространство, которое, несмотря на существующие расхождения в его концептуализации, всё-таки не может не пониматься как собрание людей в каком-то пространстве или месте.

Пожалуй, ни один город в современной России не избежал участи наложения на свои поверхности протестного письма. Письма, оставляемые социальными группами, испытывающими необходимость демонстрации собственных претензий на политический дискурс, всё чаще предназначаются аудитории. Мы попытаемся классифицировать данные поверхности.

На наш взгляд, следует различать три типа поверхности в городском публичном пространстве. Это сам город с его материальным капиталом, выступающий как поверхность письма (здания, крыши зданий, учреждения, вывески, дороги, улицы, уличные знаки, деревья, столбы, памятники, стены, остановки, рольставни, городской транспорт, железнодорожные вагоны и т. д.), человек как поверхность протестного письма (акты человека, одежда, причёска, ношение символов, перформансы и т. д.) и, наконец, протестная поверхность — коммуникации (блогосфера, социальные сети, журналистика, искусство, театр и т. д.).

Каждая из поверхностей, выделенная нами внутри того или иного типа, может располагать субъекта протеста к письму. Действительно, наблюдения показывают, что практически все поверхности в городском публичном пространстве могут быть использованы для протестных текстовых сообщений. При этом таковыми поверхностями могут представлять как места, где наблюдается повышенная публичная концентрация, так и заброшенные места, которые оказываются не востребованы как публичные пространства в условиях информационного времени. В любом случае, поверхность, располагающая субъекта протеста к письму, подвергается наложению протестного сообщения.

Необходимость заполнения пустого пространства — поверхности вполне четко просматривается в контексте диалектических схем, представляющих картину неустанной игры оппозиций, их взаимодополнения. На пустую поверхность всегда будет проситься определенное письмо, его субъект будет томим стремлением соединения собственной воли с данной поверхностью. Искусство граффити, фанатские надписи, хулиганские тексты и самое обычное признание в любви как раз и будут представлять собой акт субъекта в отношении пустого пространства, его протест против своеобразной пустоты и бессмысленности. Наоборот, уже наложенному протестному тексту может оппонировать стремление преодолеть его, стереть либо наложить на него новое письмо. Так школьная доска освобождается дежурными

от различных надписей, не имеющих отношения к новой реальности.

Вообще пустое место выступает в роли своеобразной «вогнутости», которая, если следовать логике Ж.-П. Сартра, должна быть обязательно заполнена «выпуклостью». Поверхность характеризуется определенной неисчерпаемостью, долгим движением вглубь, в то время как само письмо обладает для продвижения вглубь необходимыми характеристиками вертикальности — вхождения сверху.

О необходимости заполнения пустого места/пространства довольно убедительно высказался Ж. Делёз: «...пустое место — ни для человека, ни для Бога; сингулярности — ни общие, ни индивидуальные; ни личные ни универсальные. Все это пробегается циркуляциями, эхом и событиями, которые производят больше смысла, больше свободы и больше сил, чем когда-либо мечтал человек или когда-либо было постижимо для Бога. Задача сегодняшнего дня в том, чтобы заставить пустое место циркулировать, а до-индивидуальные и безличные сингулярности заставить говорить, — короче, чтобы производить смысл» [Делёз, Фуко 1998: 109].

Кажется, что субъект протеста, волею обстоятельств уклонившийся от фронтальных столкновений с репрессивной политической машиной и сделавший выбор в пользу протестного письма, как раз и пытается заставить «говорить» пустое место, концептуализируя его и производя для места смысл.

Арт-активизм и предполагает поиск пустых мест/поверхностей, на которые предстоит выполнить наложение протестного письма. Если в крупных российских городах подобные практики могут восприниматься как нечто само собой разумеющееся ввиду высокой концентрации политического в самом пространстве и вытекающей из этого довольно высокой конкуренции, то появление арт-активистских объективаций в российской провинции нельзя не рассматривать как усиление протестной активности «снизу», волею обстоятельств не сумевшей конвертировать собственную анонимность в публичный капитал.

Выявление поверхностей для протестного письма становится своеобразным итогом перемещений субъекта в городском публичном пространстве. Как однажды заметил австрийский исследователь Г. Рауниг, «ситуация и *derive* позволяют обследовать городской ландшафт для самых различных целей, от студенческой попойки до отыскивания подходящих мест для баррикад» [Рауниг 2012: 165].

Развивая мысль австрийского автора, отметим, что место отмечается письмом как неким свидетельством присутствия. Пространственные характеристики места наложения протестного письма как раз должны работать на создание места-концепта, продуцировать необходимые политические смыслы, которые требуют донесения до аудитории. Место-концепт само по себе объясняет политическую реальность, изображаемую в политической постановке. В частности, гипермаркет «Ашан», выбранный арт-группой «Война» для проведения акции «Памяти декабристов», изначально является местом-концептом, притягивающим новые смыслы и знаки [Эпштейн 2011: 119—125].

То же самое можно сказать и про перформансы елецкой арт-группы «23:59», производящей места-концепты, по-новому заставляющие говорить публичное пространство города. Протестный текст наносится на поверхность заброшенного вокзала, парка отдыха, горы, возвышающейся над Ельцом. Протестный текст начинает включать в себя те пространства, которые не связывались с протестом, но которым предстоит стать таковыми ввиду протестной политической маркировки.

Итак, мы акцентировали внимание на трех возможных типах протестной поверхности (город и его материальный капитал, человек и коммуникации). Каждый из выделенных нами типов выступает объектом — поверхностью, на которую накладывается протестное письмо. Письмо накладывается субъектом протеста, испытывающим необходимость протестного выражения. Таким образом, следует рассмотреть три варианта возможных субъект-объектных коммуникаций, связанных с нанесением протестного текста на поверхность:

- 1) субъект протеста — город и его материальный капитал;
- 2) субъект протеста — человек и его тело;
- 3) субъект протеста — протестная коммуникация.

СУБЪЕКТ ПРОТЕСТА — ГОРОД И ЕГО МАТЕРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. Что касается коммуникации «субъект — город», то она представляет собой столько возможностей для протестного письма, сколько есть поверхностей в самом городе. Наблюдение за протестным письмом показывает, что объектами письма могут выступать какие угодно поверхности, а политические практики арт-активизма с каждым годом становятся всё более изобретательными и изощренными.

Городское пространство оказывается наиболее уязвимым с точки зрения его расположенности к протестному письму, объе-

мы которого увеличиваются в зависимости от содержания политики. Так, известные события в Бирюлёво в октябре 2013 г. просто были обязаны вызвать всплеск практик протестного письма, что мы в итоге и увидели.

Ключевая причина креативной сублимации, на наш взгляд, скрывается прежде всего в анонимном характере протестного выражения, особенно актуальном в провинции. Безусловно, в мегаполисах гораздо выше вероятность сохранения анонимности собственного авторства в протестном тексте. То же самое можно сказать и об открытых формах противостояния власти — митингах, пикетах и т. д. Получается, что «в центре — митингующий подобен улитке, спрятавшейся в панцирную роговицу таких же несогласных. В провинции невозможно спрятаться в панцирь. Средств на такую теплую, предохраняющую одежду попросту нет. Поэтому, несогласный гражданин в российской провинции рискует, подставляя свое тело колющему ветру безжалостной критики и всевозможных уличений в проплаченности и ангажированности» [Скиперских 2012: 60].

Как мы уже отмечали, практически любая поверхность может быть «схвачена» письмом. В этом смысле показательно рассуждение одного из героев бунинского рассказа «Надписи»: «Говорят, что человек есть говорящее животное. Нет, вернее, человек есть животное пишущее. И количеству и разнообразию человеческих надписей — если уж говорить только о надписях — положительно нет числа. Одни вырезаны, выбиты, другие начертаны, нарисованы. Одни собственной рукой, другие рукой наследников, внуков, правнуков. Одни вчера, другие десять, сто лет тому назад или же века, тысячелетия» [Бунин 1966: 172].

Герой Бунина здесь, говорит не только о способе нанесения письма, но и о непосредственных поверхностях протеста, потому как любая надпись сама по себе является контроверзой.

Неизбежность поглощения любой поверхности политическим изначально располагает любое письмо в контексте политического. Данное свойство поверхности не может не привлекать политических акторов, заинтересованных в объективации своих текстов. Если предположить, что политический процесс является неким нанесением письма, то попытка исключенных политических акторов демонстрации в нем собственных текстов не может рассматриваться иначе, чем некая форма политического участия.

Подобное инструментальное отношение к поверхности является частью протестной

философии. Другое дело, что актуализация протестного письма происходит в моменты политических трансформаций, позволяющих исследователю сталкиваться с самыми неожиданными поверхностями, на которые наносится протестное письмо. Например, в известном катехизисе ненасильственного сопротивления Д. Шарп, говоря о методах ненасильственного сопротивления, указывает такие любопытные формы протестного письма, как «надписях в воздухе (самолетами) и на земле (вспашкой почвы, посадкой растений, камнями)» [Шарп 2005: 101].

Политическая, экономическая и культурная ситуация в современной России, несомненно, располагает к протестному письму, провоцируя автора на неустанный поиск смыслов и их «схватывание» протестным письмом. Обусловленность протестного письма целым рядом факторов влияет на выбор средства письма.

Как правило, средства письма экологичны, поэтому спокойно укладываются на поверхность. Разве не выглядит экологично нанесенное бунинскими книгами письмо на отбитом постаменте памятника И. Бунину в г. Ельце? Именно так невнимание городской администрации к памятнику классика отметили акционисты арт-группы «23:59».

Если с помощью протестного письма создается ощущение естественности определенной политической ситуации (например, анонимный автор подрисовывает ружье или мешок с деньгами в руку пешехода на дорожном знаке пешеходного перехода), то и само выбранное средство для письма должно быть экологичным. Нанесенный на асфальт трафарет не должен мешать движению. Маркированная протестным письмом городская поверхность не должна разрушаться, даже наоборот, она должна как бы продолжаться письмом, надстраиваться им (как в случае с памятником).

Экологичность средств, с помощью которых наносится протестное письмо, заметна и на примере наномитингов в провинциальных городах современной России — «митингов без людей». Авторами протестных надписей являются либо игрушки и куклы (Барнаул, Томск, Апатиты), либо пластилиновые человечки (Данков и Елец в Липецкой области). Экологический характер подобных форм политического участия проявляется и в отсутствии проблемы «утилизации» средств протестного письма. Так, пластилиновых человечков в Ельце с удовольствием разбирали дети. Быстрая «утилизация» может быть связана еще и с проблемой экономичности бытия человека в российской провинции, что сказывается на его способности спокойно

принимать в дар отслужившие вещи, при этом без стремления приобретать их.

В качестве средств протестного письма зачастую используются наклейки, стикеры, баллончики с краской, с помощью которых изготавливается политическое граффити. На масштабность подобного явления и большие творческие способности субъектов протестного письма могут красноречиво указывать стены тоннелей и железнодорожных откосов. Сотни тысяч россиян ежедневно сталкиваются с протестными посланиями во время передвижений в метро и на поездах.

В некоторых городах России недовольство состоянием дорог вызывает к жизни активистские практики, во время которых ямы на поврежденном дорожном полотне обводятся и закрашиваются цветными мелками. Не так давно стала популярной технология наложения письма через заготовленные трафареты, причем данная практика является уже довольно распространенной как в столице, так и в провинции.

Привлекательность подобных технологий как способа выражения протестных настроений служит причиной институционализации протестного письма, появления структур, деятельность которых направлена на регистрацию и фиксацию поверхностей протеста, а также разработку и концептуализацию новых протестных месседжей.

СУБЪЕКТ ПРОТЕСТА — ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕЛО.

Еще одной формой поверхности протеста, равно как и средством письма, может быть тело самого субъекта протеста, которое изначально должно рассматриваться в протестном контексте. Эксперименты с телом всегда привлекают внимание и вызывают резонанс. Не потому ли для практик использования тела в качестве средства письма всегда характерна особая зрелищность?

Необходимо отметить, что изначально власть сильнее тела, потому как оказывает на него давление и принуждает его, дисциплинируя и подавляя. М. Фуко заметил как-то: «...тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [Фуко 1999: 39].

Протестный синдром в полном смысле затрагивает и тело индивида, пытающегося выскользнуть из сферы притязаний власти, и даже объявить о собственном несогласии.

В феврале 2012 г. арт-группа «23:59» на снежном склоне парка 40-летия Октября в Ельце выложила телами 12 человек слово «НАТЕ». После выполнения надписи на месте лежащих тел появились сотни зажженных

свечей, повторявших надпись, но уже огнем. Подобная акция представляет собой своеобразный ответ власти не в рамках существующих институтов, через созданные для этого механизмы (обращения, депутатские запросы, общественную палату и т. д.), а, наоборот, является моментальной, электрической рефлексией над конкретной проблемой. В данном перформансе прослеживается и литературная параллель: наряду с английским словом «НАТЕ» (ненависть) в нем можно усмотреть отсылку к известному тексту «Нате» В. Маяковского. Таким образом, изначально закладывается неоднозначность прочтения протестного сообщения.

Крайне радикальный пример использования собственного тела как поверхности письма продемонстрировал художник Петр Павленский, который 3 мая 2013 г. разделся догола и завернулся в колючую проволоку напротив здания Законодательного собрания Санкт-Петербурга, а также в своей известной акции 10 ноября на Красной площади в Москве. Если говорить о каких-то исключительно жестоких попытках эксплуатации собственного тела в качестве протестной поверхности, можно вспомнить и перформансы О. Кулика, изображавшего собаку.

Протестное письмо может наноситься и на одежду, при этом сам факт использования конкретного цвета или элемента уже будет рассматриваться в протестном контексте. Важным значением наделяется и внешний вид. Вспомним, как герой С. Бодрова в самом начале фильма «Брат» в поисках клуба обращается к парням с ирокезами на головах.

На наш взгляд, очевидно, что в условиях всеобщей капитализации и схватывания собственности всеобщим капиталом единственное, что осталось у человека и принадлежит ему — это его тело. В свете этого логично, что протестное письмо накладывается именно на него. Таким образом, протест концентрируется в самом человеке, редуцируется в его теле и жизненном стиле. Соответственно сам человек со своим собственным телом превращается в некий политический концепт.

СУБЪЕКТ ПРОТЕСТА — ПРОТЕСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. Протестной поверхностью может быть и сама протестная коммуникация. Формы искусства и сами продукты, создаваемые субъектом протеста в их рамках, определенно могут располагать к нанесению протестного письма.

Искусство в каком-то смысле покрывает субъекта, на некоторое время оказывая ему защиту, хотя всё равно сквозь его формы проступает сам субъект, его характер и во-

ля. Тем не менее, как отмечает П. Андерсен, попытка говорить на языке искусства лежит в основе «любой протестной политики» [Андерсен 2011: 41].

Творчество субъекта пишется языком протеста и объективируется в многообразии поверхностей — в Интернете, литературе, живописи, кино, театре, архитектурных формах. Разве тенденция к организации экопоселений вдали от цивилизации не является протестным вызовом со стороны субъекта?

В политической истории СССР, равно как новейшей истории России, достаточно примеров, когда испытывающий необходимость выражения субъект пытался находить собственную поверхность протестного письма и вместе с ней — свой неповторимый стиль. Чтения в Политехническом музее, «Бульдозерная выставка», многочисленные квартирники, перформансы А. Монастырского и группы «Коллективные действия», изобретавших свой язык, а вместе с ним и даже «Словарь терминов московской концептуальной школы» — все эти примеры только подтверждают применимость определения данных форм коммуницирования с аудиторией в качестве протестных поверхностей.

Безусловно, подобное протестное творчество и освоение новых протестных поверхностей не может быть самостоятельным ввиду постоянного давления авторитетных гиперссылок. В частности, протестное творчество елецкой арт-группы «23:59» очень сильно зависит от гиперссылок на тексты А. Камю, Л. Толстого, М. Горького, И. Бродского, В. Маяковского.

В любом случае подчинение протестным письмом самой коммуникации является довольно опасным симптомом для власти, попытавшейся после зимних митингов конца 2011 — начала 2012 г. систематизировать протест, обусловить его значительными правовыми спецификациями. Власть привыкла к мысли о полной просматриваемости всех коммуникаций, поэтому «любое альтернативное и анонимное действие и творчество, способное актуализировать вопрос о существовании где-то у нее под боком независимого и самостоятельного субъекта, склонно значительным образом досаждасть ей» [Скиперских 2013: 145].

Таким образом, значительное увеличение несистемной компоненты в российском политическом процессе, произошедшее после «болотных» событий, оказывается прямо пропорциональным увеличению объемов поверхностей, охваченных политическим протестным письмом. В пользу нашего вывода свидетельствуют и определенные за-

коны развития политических процессов. В частности, появление ограничений на присутствие в политическом процессе для некоторых акторов прямо или косвенно способствует радикализации и маргинализации их политического творчества.

Проанализированные нами практики арт-активизма, объективирующегося через протестное письмо, могут увеличивать свои объемы в случае попыток их подчинения и подавления со стороны репрессивных политических институтов и самого государства. Наоборот, в случае, если со стороны репрессивных институтов нет какой-либо реакции на протестное письмо, то его субъекты оказываются в ситуации неопределенности, когда нет ощущения правильного выбора форм и средств, раздражающих власть. Безусловно, подобная тактика со стороны власти может в какой-то степени сыграть на снижение объемов протестного письма. Как будут разворачиваться дальнейшие события в России и как будут над ними рефлексировать субъекты протестного письма — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсен П.* Истоки постмодерна (пер. с англ. А. Аполлонова). — М. : Территория будущего, 2011.
2. *Бунин И. А.* Собр. соч. : в 9 т. Т. 5. — М. : Художественная литература, 1966.
3. *Делёз Ж., Фуко М.* Логика смысла. *Theatrum philosophicum* / пер. с фр. Я. И. Свирского. — М. : Паритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998.
4. *Рауниг Г.* Искусство и революция: художественный активизм в долгом двадцатом веке. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012.
5. *Скиперских А. В.* Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). — Липецк : Гравис, 2013.
6. *Скиперских А. В.* Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 2—3. С. 58—70.
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. — М. : Ad Marginem, 1999.
8. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. — Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005.
9. *Эпштейн А. Д.* Арт-активизм в отсутствие публичной политики. Группа «Война»: от зарождения к российской известности // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). С. 105—129.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов